

ИНТЕРВЬЮ

Французский писатель написал романы о Тихановской и похищении украинских детей: "Мне определенно опасно ехать в Беларусь и Россию"

Алексей Знаткевич

11 октября 2026 года 06:00 мск

Marc Levy (official website) (Courtesy Photo)

Марк Леви

Марк Леви — французский писатель. В 2022 году он опубликовал шпионский триллер "Ноа", часть серии про хакерскую группировку "9", которая борется с преступными и коррумпированными режимами, компаниями и олигархами (на русском языке роман вышел в 2023 году в издательстве "Иностранка"). В 2026 году роман был запрещен в Беларуси — Центральный районный суд Минска в сентябре признал его

"экстремистским", а Министерство информации внесло его в список печатных изданий, которые "могут нанести ущерб национальным интересам Республики Беларусь".

Причина, по которой это было сделано, — в том, что действие книги происходит в Беларуси в разгар протестов против режима Лучина, в котором без труда угадывается Александр Лукашенко. Домохозяйка Светлана побеждает диктатора на президентских выборах, после чего спецслужбы вывозят женщину и ее детей за границу, а ее муж Николай попадает в тюрьму. Книга открывается сценой свидания в изоляторе в переулке Окрестина в Минске, куда во время протестов в Минске массово отправляли участников уличных акций. В ней также используется реальный сюжет с [вынужденной посадкой самолета Ryanair в Минске](#), в котором летели редактор телеграм-канала NEXTA Роман Протасевич и его девушка Софья Сапега.

В отличие от реальных протестов в Беларуси, книга заканчивается оптимистично — белорусы побеждают диктатуру с помощью международной хакерской группы. А автор [пишет в аннотации](#): "Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, является чисто... Хотя, на самом деле нет, это не так".

Еще один роман о стране постсоветского пространства, "[Симфония монстров](#)", Леви выпустил в 2023 году: он рассказывает об украинской медсестре, которая ищет сына, похищенного российскими военными и вывезенного в Россию, где его отправляют в "лагерь перевоспитания". Эта книга не была издана в России, но Леви выложил ее перевод на русский язык в свободный доступ.

Почему Леви использует в своих книгах "белорусский" и "российский" сюжет, что он думает о Навальном, и будет ли придуманная им хакерская группа бороться с другими диктаторами в странах бывшего СССР? Радио Свобода [поговорило об этом с писателем](#).

— Когда вы брали белорусские материалы в качестве основы для своей художественной книги, предполагали ли вы, что они могут попасть в "черные" списки в Беларуси?

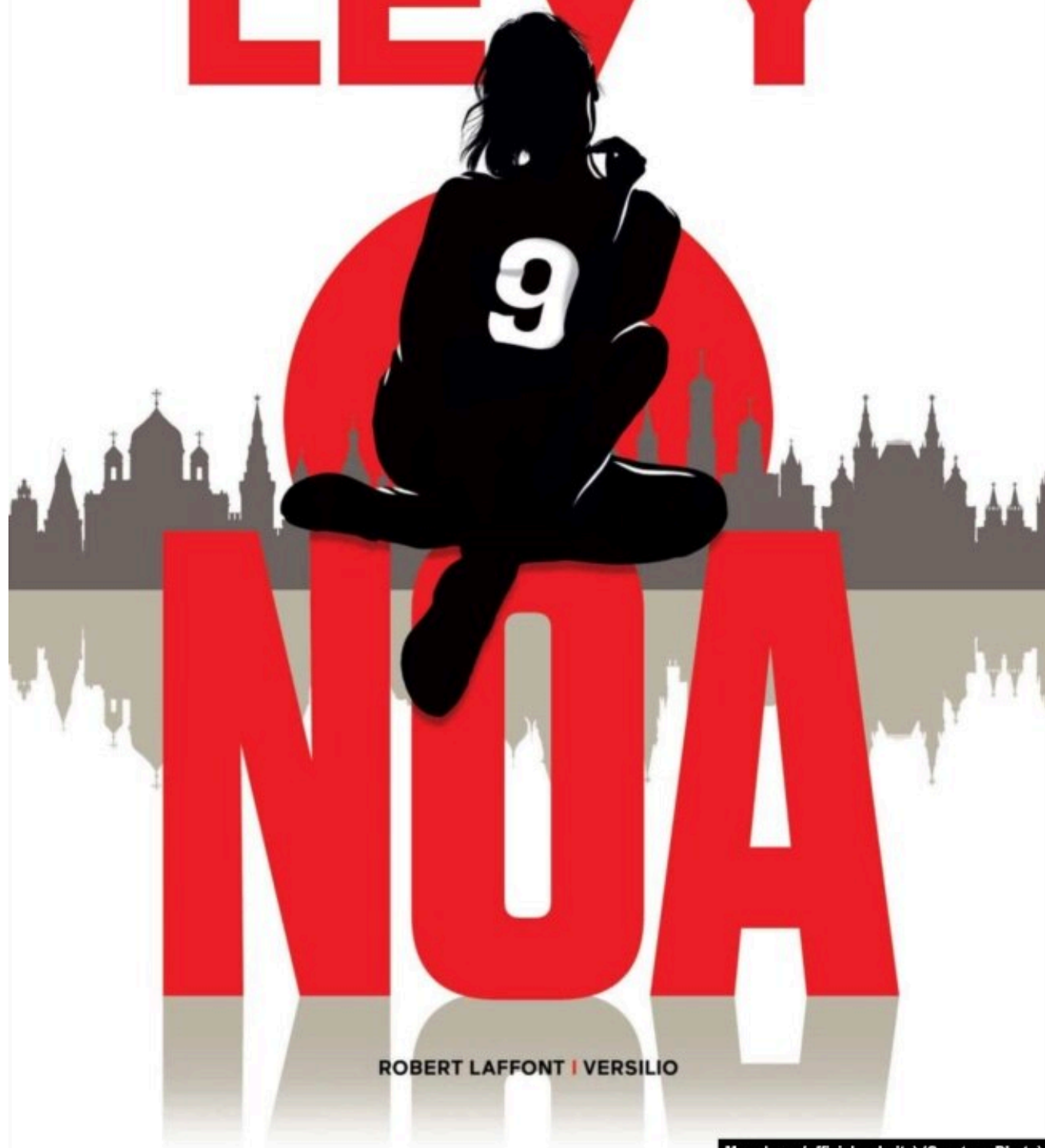
— Нет, я этого не представлял. Но интересно наблюдать то, как боятся книг люди во власти во многих странах. Те самые люди, которые любят демонстрировать свое могущество. Такое случается во многих странах, но мне смешно, когда кто-то заявляет о своей силе и могуществе, и в то же время боится книги — из-за каких-то слов на ее страницах.

Нет, я не предполагал, что все так обернется, но меня это особо не беспокоит. Мне жаль тех, кто запрещает книги, потому что не согласен с их содержанием. Но это довольно

распространенное явление.

— Когда вы собирали материал для "Ноа", вы уделяли много времени и сил изучению того, что происходило в Беларуси? Или события в стране не имели для вас такого большого значения, и послужили лишь фоном для вашего художественного вымысла?

MARC LEVY

ROBERT LAFFONT | VERSILIO

Marc Levy (official website) (Courtesy Photo)

— Это было сочетание обоих подходов. Известные писатели, такие как Джон Ле Карре, писали об авторитарных правительствах и жизни людей под их властью. Я всегда стараюсь для себя как можно больше собирать реальных материалов. Но в данном случае достать документальный материал было не так-то просто.

Помню, как расспрашивал о происходящем в Беларуси знакомых репортеров, журналистов. Я старался задокументировать как можно больше. Но "Ноа" — это художественный роман, хотя действие и происходит в определенной обстановке. Это роман о сопротивлении, и, вероятно, именно поэтому авторитарные власти так его боятся.

— В этой книге вы использовали настоящие имена реальных людей. Было ли для вас важно, чтобы главные герои книги вели себя приблизительно так же, как и те, чьи имена они носят?

— Если это публичные личности, то да. Если же речь идет о реальных событиях, реальных заявлениях или решениях, которые они приняли и которые влияют на жизнь многих людей, то, я думаю, это важно. Зачем это скрывать?

Главный вопрос всегда заключается в том, есть ли разница между обвинением кого-либо в чем-либо и простым утверждением, что кто-то что-то сделал. Именно поэтому я всегда стараюсь указывать имена людей.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

"Это кто?" – "БЧБ". Власти Беларуси преследуют людей за протесты шестилетней давности – и делают невыносимой жизнь бывших политзаключенных

Ты пишешь историю о реальных событиях — например, когда я написал "Симфонию монстров", книгу, повествующую о похищении тысяч украинских детей режимом Владимира Путина и о роли в этом российского детского омбудсмена Марии Львовой-Беловой, на арест которой Международный уголовный суд выписал ордер. Это факт. Так зачем менять их имена?

МАРК ЛЕВІ

СИМФОНІЯ МОНСТРІВ

ВИДАВНИЦТВО
СТАРОГО ЛЕВА

Courtesy Image

Мария Львова-Белова организовала в России систематическую программу депортации украинских детей. Им меняли имена, гражданство, в них уничтожали украинскую культуру. Это факт. Так почему я должен менять ей имя? Если она хочет подать на меня в суд, пусть подает. Международный уголовный суд не меня обвинил в преступлениях против человечности.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

Чужие дети. Как Украина борется за возвращение детей, похищенных Россией из Херсона

— Следили ли вы за тем, что происходило с прототипами некоторых ваших белорусских героев после публикации вашей книги? Например, Роман Протасевич вышел из тюрьмы и **стал государственным пропагандистом**. Сергей Тихановский был освобожден благодаря переговорам между США и правительством Лукашенко, но теперь критикует работу своей жены Светланы. Было бы вам интересно описать, как меняются люди, в том числе под внешним давлением, в сложных обстоятельствах?

— Алексей Навальный не сломался. Он умер, но его наследие переживет его смерть на многие поколения вперед. [Жан Мулен](#) (герой движения французского Сопротивления времен Второй мировой войны) не сломался. Он был во французском Сопротивлении, был замучен до смерти, но мы до сих пор говорим о Жане Мулене.

Я не могу никого осуждать. Человек не знает, что с ним произойдет под пыткой. Это факт: кто-то ломается, а кто-то — нет. Кто-то умирает, а кто-то выживает, потому что ломается и сдается. Но я никогда никого не буду осуждать.

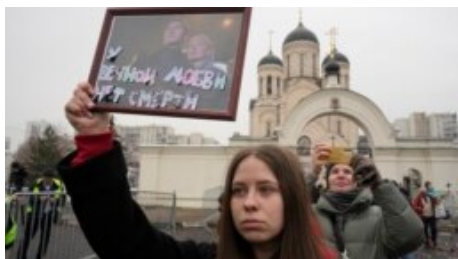
Мой отец долгое время подвергался жестоким пыткам в тюрьме во время Второй мировой войны, но он тоже не сломался. Но это не делает его большим героем, чем тот, кто сломался. Я не знаю, что бы я делал, если бы меня пытали. Поэтому я определенно не имею права никого судить. В целом, очень несправедливо судить того, кто был сломлен пытками, потому что это одна из целей пыток. Действительно ли человек, подвергающийся пыткам, отказывается от своих убеждений? Происходит ли настоящая индоктринация, или человек действительно меняет свои убеждения? Я не знаю.

— Было бы вам интересно использовать одного из героев или антигероев "Ноя" в одной из ваших будущих книг и показать, как их жизнь меняет их?

— Ну, это зависит от того, о ком вы говорите. Например, если бы завтра в Беларуси состоялись честные выборы, это бы стало интересной темой для новой книги. Но я не

хочу писать одну и ту же книгу дважды.

Интересно, когда в книге показана эволюция персонажа. Если происходит сильная эволюция персонажа, то это может стать темой новой книги, а если персонаж остается таким же, каким был пять лет назад, то это неинтересно. Например, писать книгу о Навальном — это действительно очень интересно, потому что эволюция этого человека за последние 10 лет его жизни — это абсолютно захватывающе.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

"Войдет в историю, в честь него будут улицы, памятники". Поэт Каганов — о Навальном в библейском и историческом контексте

Я хочу сказать, что есть документы, а есть романы. Документы существуют для того, чтобы информировать вас. Романы же существуют главным образом для того, чтобы вызвать у вас эмоции, которые помогут вам понять.

В молодости я работал в Красном Кресте, в подразделении, которое занималось людьми, оказавшимися, например, заблокированными в здании во время землетрясения или в машине после аварии. В то время во Франции законодатели хотели ввести обязательное использование ремней безопасности. Многие были против, называя это ограничением свободы. А я тогда работал в ночную смену, вытаскивая людей из машин после аварий. И я не мог понять, как кто-то может быть против этой меры.

В те времена на дорогах ежегодно погибало 17 тыс. человек. И эта цифра ничего не значила, абсолютно ничего. Потому что 17 тыс., 50 тыс. или 100 тыс. — это всего лишь цифры. Но если рассказать историю ребенка, потерявшего родителей в автомобильной аварии, то почувствуешь связь с этим человеком.

Это объясняет способность фильма или книги помогать нам что-либо понять, всколыхнуть общество, укрепить наши человеческие ценности и побудить нас к действиям, приносящим пользу человечеству, а не только очень немногим людям. В этом смысл книг и смысл писательства. Вот почему автократы так боятся книг и споров. Потому что книга может разозлить, она может подорвать их уверенность в себе.

— Вы бы хотели посетить Беларусь, если бы там было безопасно?

— Сегодня мне определенно опасно ехать в Беларусь, как и в Россию. И знаете, когда я это говорю, я не боюсь, я грущу. Грустно осознавать, что, написав книгу и выразив свое

мнение, можно оказаться в опасности.

И это признак слабости со стороны тех, кто вам угрожает. Потому что, если бы они были такими сильными, как говорят, они бы не боялись писателя, певца или любого другого творческого человека.

СМОТРИТЕ ТАКЖЕ:

"Это полицейское государство". Большое архивное интервью с Борисом Акуниным о власти в России

Не могу сказать, что я одержим Беларусью как таковой. Однако я верю в сильные стороны демократии. Я не утверждаю, что демократия идеальна, она совершенно несовершенна. Но в свои 65 лет, проработав всю жизнь в гуманитарной организации, я абсолютно убежден, что это лучшая форма правления. И некоторые цифры это подтверждают. Продолжительность жизни, качество жизни, здоровье, образование, питание в целом лучше в демократических странах, чем в автократических. Но мир таков, каков он есть, и некоторые страны какое-то время находятся под властью автократий, пока ситуация не изменится.

Как писателя, меня эта тема завораживает. Меня поражает тот факт, что в один момент страна становится серой, а в другой – меняет свой цвет. Я всегда считал, что демократия рождается изнутри, а не извне. Поэтому я просто надеюсь, что однажды в Беларуси можно будет издать книгу, не попав в какой-нибудь список и не оказавшись под угрозой.

Принцип любого авторитарного режима заключается в попытке заставить замолчать оппозицию посредством страха и репрессий. Но право на сопротивление и выражение своего мнения является основополагающим правом. Мой отец был в Сопротивлении. Его арестовали, пытали, он сбежал из поезда, а потом вернулся воевать. Когда он вступил в Сопротивление в 1943 году, вся Европа была оккупирована нацистами, нацисты были чрезвычайно сильны, и Сопротивление выглядело очень слабым. Но в конце концов, Сопротивление победило. Так что давайте надеяться и жить.

Читай нас в Телеграме

ПОДПИСАТЬСЯ

МАТЕРИАЛ ИЗ РАЗДЕЛОВ:

- Видео и статьи
- Интервью
- Россия
- Украина
- Европа
- Беларусь

© Настоящее Время. Все права защищены